

STARS

— IN THE SKY & ON THE HORIZON —

by *facel*

VII—CHARLIE KUNZ

MODESTY, in most things but this profession of ours, is a virtue.

In the profession it is a phenomenon.

Charlie Kunz, of the Casani Club, is, therefore, phenomenal, for a more modest gentleman I have seldom had the pleasure of meeting.

He is American, born Pennsylvania, he won't say how many years ago. His father played the French horn and Charlie has been actively associated with the piano ever since he was five years old.

If he didn't practise his father gave him a hiding. Charlie became a good piano player.

My father was like that; but I still can't play the piano.

At the age of six Charlie was playing at local and school concerts. He was a celebrity.

At the age of fourteen he began to take an interest in dance music, and organised his own band, composed of schoolfellows. They were very successful, and this ultimately led to the biggest dance hall in the city pursuing young Charlie, then seventeen years old, to offer him the resident leadership at their hall.

He accepted, and every Thursday had the pleasure of playing opposite one of the biggest leaders in America. He played opposite Paul Whiteman, Joe Smith and others during that time.

Fourteen years ago Charlie left America and came to London, representing Paul Specht at the Trocadero in Shaftesbury Avenue, with an all-American band. The reception, he confesses, was not too good. Evidently our public were not educated up to the standard expected in America, and what with that, the fog and the rain, all the boys were more or less inclined to pack their bags and catch the next boat home by the end of the week.

Since then, however, Charlie has played

Photo: Elwin Neame

at the Grafton Galleries, leading a band of fifteen; at the Chez Henri Club (8½ years); and at the Casani Club, Regent Street, where he now is.

Curiously enough, on his first job after the Troc—the Grafton—Charlie again had the opportunity of playing opposite Paul Whiteman.

Fourteen years in England has not robbed this American of his accent. He is "very much married," to an English girl, has two strapping young boys, and likes it.

His first variety appearance in this country, at the Holborn Empire, was made following Duke Ellington and his orchestra, and he also followed Ellington on the air.

He will have been at the Casani Club one year, in March. His music is simple, melodious, and rhythmical; his fan-mail, several hundreds of letters per week.

He tells this story against, and for, himself.

One night, sitting at the piano in the Chez Henri, he constantly had request numbers whispered in his ear by a patron.

He played a few, until at last the voice requested a number from an American show in Town which the band was not as yet allowed to feature.

Charlie turned round and said: "We're not allowed to play that."

Later, to his astonishment, he learned from the boys in the band that he had spoken to none other than Prince George.

Immediately he offered his apologies. These were graciously accepted, and since then Charlie and the Prince have become very good friends. One of the leader's proudest possessions is a signed photograph of His Highness.

One of Charlie's chief recreations is, on broadcasting dates, running from his piano to the mike, making the first announcement, and running back again in time to start the opening number.

He adopted his signature tune only after repeated encouragement from the boys.

"Why should people clap hands because Charlie is coming on the air?" he kept asking them. "It's taking a lot too much for granted."

That is typical of the man. He just can't make a fuss over himself. He likes people who treat him as they treat their own friends. He does not like people who keep murmuring, "Oh, you're so wonderful, Mr. Kunz. I *always* listen to your band over the radio."

So Clap Hands for Charlie Kunz, everybody. He's well worth it.

Скромность во многих вещах, кроме этой профессии, является добродетелью. В этой профессии это явление... Чарли Кунц, из «Казани Клуб», следовательно, феноменален, ибо более скромного джентльмена я редко имел удовольствие встречать.

Он американец, родился в Пенсильвании, но он не признается, сколько лет назад... Его отец играл на валторне, а Чарли активно занимался на фортепиано с тех пор, как ему исполнилось пять лет. Если он прогуливал занятия, отец его не ругал, но все равно Чарли стал хорошим пианистом. Мой отец был таким же, но я все еще не умею играть на пианино. (это английский юмор (- прим переводчика))

В возрасте шести лет Чарли играл на местных и школьных концертах. Он был знаменитостью. В возрасте четырнадцати лет он начал интересоваться танцевальной музыкой и организовал свою собственную группу, состоящую из школьных товарищей. Они были очень успешны, и это в конечном итоге привело к тому, что самый большой танцевальный зал в городе стал очень популярен среди молодежи. Чарли, которому тогда было семнадцать лет, предложили стать постоянным руководителем группы в этом зале. Он согласился, и каждый четверг имел удовольствие играть вещи крупнейших джазовых музыкантов Америки. В то время он играл Пола Уайтмена, Джо Смита и других.

Четырнадцать лет назад Чарли покинул Америку и приехал в Лондон, представляя Пола Шпехт в Трокадеро в Шафтсбери Авеню, с американской группой. Прием, по его признанию, был не слишком хорошим. Очевидно, наша публика не была образована на том уровне, как в Америке, и, учитывая это, а также постоянные туман и дождь, все участники оркестра были более или менее склонны собрать чемоданы и отправиться домой, в Америку.

С тех пор, однако, Чарли играл и в «Grafton Galleries», возглавляя группу из пятнадцати человек; и в клубе «Chez Henri» (8 лет); и в «Casani Club» на Риджент-стрит, где он сейчас находится. Любопытно, что на своей первой работе в «Grafton Galleries» - Чарли снова получил возможность играть вещи Пола Уайтмена.

Четырнадцать лет, проведенных в Англии, не избавили этого американца от акцента. Он "очень женат" на англичанке, у него двое крепких молодых парней, и ему это нравится.

Его первое эстрадное выступление в этой стране, в "Holborn Empire", состоялось вслед за Дюком Эллингтоном и его оркестром, и он также следил за Эллингтоном в прямом эфире.

В марте будет год, как он играет в «Casani Club». Его музыка проста, мелодична и ритмична; его фанатская почта — несколько сотен писем в неделю.

Однажды вечером, когда он сидел за пианино в «Chez Henri», один из посетителей постоянно делал заказы. Он сыграл несколько песен, пока, наконец посетитель не попросил номер из американского шоу. Но группе еще не разрешили с этим выступать. Чарли обернулся и сказал: «Нам не разрешают играть это». Позже, к своему удивлению, он узнал от парней из группы что он разговаривал не с кем иным, как с принцем Джорджем. Он тут же принес свои извинения. Они были любезно приняты, и с тех пор Чарли и принц стали очень хорошими друзьями. Одна из самых значимых вещей Чарли - фотография Его Высочества с автографом.

Одно из главных развлечений Чарли - во время эфиров бегать от пианино к микрофону, делать первое объявление и снова бежать обратно как раз вовремя, чтобы начать номер. Он принял свою фирменную мелодию, как подпись только после неоднократных просьб от оркестрантов. «Почему люди должны хлопать в ладоши, потому что Чарли выйдет в эфир?» - продолжал он спрашивать их - «это просто должно восприниматься как должное». Это типично для этого человека. Он просто не может поднимать шум из-за себя. Ему нравятся люди, которые относятся к нему так, как относятся к своим собственным друзьям. Ему не нравятся люди, которые постоянно бормочут: "О, вы такой замечательный, мистер Кунц. Я всегда слушаю вашу группу по радио".

Так что аплодируйте Чарли Кунцу, все присутствующие. Он того стоит.